
Феномен универсальности в морали

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-11-84-95

Original research paper

Оригинальная исследовательская статья

Моральная универсальность в утилитаризме Дж. С. Милля*

Р.С. Платонов

Институт философии РАН, Москва, Россия

Аннотация

Цель статьи – раскрыть проблему моральной универсальности в философии Дж.С. Милля и показать, что моральная универсальность является важным элементом его методологии в этике. Отправной точкой исследования становится требование Милля учитывать при определении правильного поступка выработанные обществом традиции, ценности, а также моральные нормы, т.е. универсальные прескриптивные суждения. В статье проводится анализ предложенного Миллем метода поиска максимальной полезности и достижения всеобщего счастья. Показывается, что универсальность в данном методе представляет собой общеадресованность моральных норм и ценностей, которая порождается общностью видového опыта. Обратной стороной такого генезиса является невозможность абсолютности этих норм и ценностей в силу неполноты видového опыта, всегда имеющего конкретно-исторический характер, из чего следует, что они подвержены изменениям и, оставаясь ориентирами в деятельности, требуют критического к себе отношения. Эффективность включения моральных норм и ценностей в поиск максимальной полезности косвенно подтверждается примером методологических затруднений этики дискурса, схожей с утилитаризмом в аспекте рациональной экспликации морального поступка, а также историей развития экономики как дисциплины, во многом сформированной под влиянием утилитаризма. В обоих случаях исследователи приходят к выводу о необходимости при принятии решения учитывать индивидуальный опыт и его влияние на индивида. Поскольку видовой опыт представляет собой многоуровневую коммуникацию, отмечается методологическое сближение утилитаризма Милля с коммуникативной этикой. Делается вывод, что проблема моральной универсальности в этической методологии Милля раскрывается как проблема максимизации коммуникации, лежащая в основе решения задачи максимизации полезности.

Ключевые слова: этика, мораль, универсальность, коммуникация, утилитаризм, утилитаризм правила, утилитаризм действия, счастье, полезность, Дж. С. Милль, И. Бентам.

Платонов Роман Сергеевич – кандидат философских наук, научный сотрудник сектора этики Института философии РАН.

* Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта Российского научного фонда (РНФ) «Феномен универсальности в морали», грант № 18-18-00068.

Для цитирования: Платонов Р.С. Моральная универсальность в утилитаризме Дж. С. Милля // *Философские науки*. 2019. Т. 62. № 11. С. 84–95. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-11-84-95

Moral Universality in J.S. Mill's Utilitarianism*

R.S. Platonov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract

The article sets a goal to clarify the problem of moral universalism in J.S. Mill's philosophy as an important element of his methodology in ethics. The starting point of the study is Mill's requirement: in order to do the right thing, we need to take into account the traditions, values, and moral norms, i.e., universal prescriptive judgments developed in society. The article analyzes Mill's method of finding maximum utility and achieving general happiness. It is shown that, in this method, universality is the property of moral rules and values to be universally addressed, and this property is based on our common experience as a species. The reverse side of this genesis is the impossibility of absoluteness of these norms and values, due to incompleteness of species experience, which always has specific historical character. Therefore, such rules are subject to change and, while they remain standard in man's activity, we also have to take them critically. Effective inclusion of moral norms in our search for maximum utility is indirectly confirmed by (a) the example of methodological difficulties in discourse ethics, similar to utilitarianism in the way it seeks rational explication of moral acts, (b) the history of economics as a discipline largely formed under the influence of utilitarianism. In both cases, researchers come to the conclusion that it is necessary to take into account supra-individual experience in decision-making and its influence on the individual. Since species experience is multilevel communication, we can note similarities between the methodology of Mill's utilitarianism and communicative ethics. It is concluded that the problem of moral universality in Mill's ethical methodology is revealed as a problem of maximizing communication as the basis of maximizing utility.

Keywords: ethics, morality, universality, communication, utilitarianism, rule utilitarianism, act utilitarianism, happiness, utility, J.S. Mill, J. Bentham.

Roman S. Platonov – Ph.D. in Philosophy, Research Fellow of the Department of Ethics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

e-mail: roman-vsegda@mail.ru

<http://orcid.org/0000-0003-2762-1328>

For citation: Platonov R.S. (2019) Moral Universality in J.S. Mill's Utilitarianism *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 11, pp. 84–95. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-11-84-95

* The paper has been developed within the research project “The Phenomenon of Moral Universality,” supported by the Russian Science Foundation, grant no. 18-18-00068.

Введение

Со времени публикации Дж.О. Урмсоном его знаменитой статьи «Интерпретация моральной философии Дж. С. Милля» [Urmson 1953, 33–39] в истории утилитаризма возникает не только его деление на два типа – утилитаризм действий и утилитаризм правил, – но и появляются попытки закрепить это деление за отцами-основателями. Если философия И. Бентама однозначно трактуется как утилитаризм действий, то философия Дж.С. Милля – как утилитаризм правил. Хотя такое разделение регулярно оспаривается [Brink 2013, 84–85; Crisp 1997, 102; Turner 2015, 171–174], оно в то же время имеет и своих убежденных сторонников [Brandt 1967, 57; Martin 2011, 31; Mondal 2016, 13–21; Fuchs 2006, 144]. Общая логика концепции Бентама и Милля в обоих случаях понимается одинаково: человек по своей природе определяется стремлением к счастью, соответствие его деятельности данному стремлению есть полезность, таким образом, максимизация полезности – это задача деятельности.

Различие усматривается в разработке того, что можно назвать «моральной арифметикой» [Серебрянский 2011, 96], – способа определения правильности конкретного действия в конкретной ситуации. Бентам полагает исключительным ориентир на принцип полезности, поскольку только он является источником понимания индивидом хорошего и плохого [Бентам 1998, 25]. Милль же вводит дополнение: в своих расчетах индивиду необходимо ориентироваться также и на выработанные обществом нормы (т.е. универсальные прескриптивные суждения о правильном поступке), а в более широком смысле – на мнение окружающих и собственную совесть [Милль 2013, 183]. Таким образом, даже если мы соглашаемся с тем, что Миллю так и не удалось разработать моральную теорию, в которой принцип полезности непротиворечиво сочетался бы со «вторичными правилами» [Brink 2013, 98–103], или с тем, что обращение к ним не снимает, как хотелось бы Миллю, затруднений морального расчета [Irwin 2009, 411–415], все-таки остается очевидным, что в его решение задачи достижения счастья оказывается включена проблема моральной универсальности. При этом странным образом различие исследователями типов утилитаризма, равно как и анализ различия философии Бентама и Милля, данную проблему в себя не включает. Как следствие, она остается скрытой в недрах утилитаристской методологии. Необходима ее экспликация – в первую очередь разъяснение того, что представляет собой моральная универсальность в философии Милля. Это определит и то, каким образом моральная универсальность может быть учтена при решении задачи достижения счастья, в первую очередь в рамках утилитаризма Милля, но, возможно, будет иметь эвристическую ценность и для утилитаризма правил (впрочем, последнее уже выходит за рамки данной статьи).

Универсальность и «моральная арифметика»

Проблема универсальности в этике утилитаризма тесно связана с антропологией. Ключевое понятие «счастье» трактуется и Бентамом,

и Миллем очень широко [Серебрянский 2011, 92–93], поэтому сразу открывает нам антропологический фундамент. Счастье не представляет собой некоего особого морального состояния, а составляется всеми положительно оцениваемыми параметрами деятельности – прибылью, выгодой, удовольствием, благом [Бентам 1998, 42–43; Милль 2013, 45]. Его достижение может быть представлено в каждом таком параметре, само оно не есть нечто отличное от них и напоминает античное понятие совершенства как телоса – предела и полноты возможного развития природы. Милль также борется с его вульгаризацией и упрощением, указывая на стандартную иерархию «ментальных удовольствий и телесных», но не отрицая значимости ни тех, ни других» [Милль 2013, 47–49]. С этим же связано его знаменитое высказывание: «Лучше быть недовольным человеком, чем довольной свиньей» [Милль 2013, 53]. Еще фундаментальнее для утилитаризма убеждение, что все люди равны в своем экзистенциальном статусе – никто из них не недочеловек¹. Это обуславливает переход от задачи достижения индивидуального счастья к задаче достижения счастья всеобщего. Утверждение принципа полезности и цели счастья универсально и в смысле общеадресованности, и в смысле абсолютности как раскрывающее природу человека, т.е. относится к каждому и не имеет альтернативы или исключения. Моральная универсальность здесь может быть рассмотрена лишь в качестве этической интерпретации антропологической установки: если цель человеческой природы – счастье, то для человека естественно/нормально стремиться к счастью, это стремление адекватно природе. От тавтологии спасает только имплицитная гносеологическая установка: принимать наблюдаемую реальность как абсолютную данность, за которой нет никакой трансценденции, способной задавать ей цель и порядок. Значит, мы не просто повторяем, что если для человека естественно стремиться к счастью, то естественно, что он к нему стремится, а указываем на адекватный, соответствующий реальности тип деятельности. Таким образом, моральная универсальность здесь лишь своего рода отражение антропологии².

¹ Отдельно можно рассматривать вопрос, насколько вообще все живое в той или иной трактовке утилитаризма, тем или иным автором определяется как равное; насколько для того же Милля разумность человека делает его особенным среди прочего живого, а также снимает различия и в рамках вида, например, гендерные различия. Для заявленной темы эти аспекты не принципиальны, поэтому мы их опускаем.

² О бесперспективности использования такой антропологической универсальности в построении методологии утилитаризма можно судить по критике Филиппы Гиллиг в рамках дискуссии об универсальности «desire of wealth», когда универсальным полагается принцип максимизации полезности, традиции и нормы оказываются релятивизированными в силу своей историчности, тем самым понятие универсальности либо раздваивается между этим принципом и нормами, что возвращает нас к его делению на антропологическое и моральное, либо моральная универсальность вообще не берется в расчет [Gillig 2017, 1–27].

Утилитаризм действий не идет дальше, полагая, что рациональности индивида достаточно, чтобы на таком фундаменте осуществить моральную арифметику. При том что единственное более-менее формулируемое универсальное требование, возможное в данной ситуации, – это требование максимизации полезности/счастья. Но Бентам вполне отдает себе отчет в сложности таких расчетов, отмечая, что «слабый и ограниченный ум обманывается, принимая в соображение только небольшую часть разных родов добра и зла» [Бентам 1998, 33]. Но для него это не повод сомневаться в правильности самого подхода к реализации принципа полезности, и он резко заявляет: «...Если человек плохо считает, в этом виновата не арифметика, а он сам» [Бентам 1998, 33]. Однако Милль, полностью разделяя установку о том, что «зависимость счастья от последствий поступков людей выводится из общих условий их жизни и законов человеческой природы» [Милль 2013, 233], замечает, что Бентама «можно обвинить в том, что он слишком уж полагается на такого рода дедукцию» [Милль 2013, 233]. Согласно Миллю, такие расчеты должны быть дополнены «обобщением конкретного опыта»³, только «согласованность результатов» обоих методов позволит этике быть отраслью научного знания, «сообщит любому общему положению необходимую обоснованность и ясность» [Милль 2013, 233]. Результатом обобщения являются именно правила/нормы, а требование такой «согласованности» предполагаемого/рассчитываемого действия и его результата с правилом компенсирует «слабость ума».

Особое внимание стоит обратить на то, что аналогичное расхождение в методе обнаруживает история развития экономики в XX в. – единственной науки, испытавшей непосредственное влияние утилитаризма на свое формирование и становление как дисциплины. К середине XX в. доминирующей в ней стала неоклассическая теория, так что до сих пор само понятие экономики отождествляется именно с ней [Автономов 1998, 35]. Методология неоклассики построена на принципе исчисления максимальной полезности Бентама [Беккер 2003, 30]. Как и исчисления Бентама, она предполагает самодостаточность рационального расчета полезности индивидом и не включает в рассмотрение культурные, социальные, психологические факторы, в том числе традиции, моральные нормы и оценки, т.е. то, чем Милль дополнил бентамовскую «моральную арифметику». Предпола-

³ В данном случае перевод фразы мой, т.к. оригинальное «generalization from specific experience» дается А.С. Замеровым в слишком интерпретационном переводе «обобщающий анализ конкретно-исторического опыта». Возможно, что и фразу «universal conditions of human life» в свете обозначенной проблемы универсальности следовало бы перевести не как «общие условия жизни», а буквально – «универсальные состояния человеческой жизни». Однако обоснование столь тонких лингвистических связей антропологии и этики в философии Милля лучше проводить в рамках чисто историко-философского анализа его текстов.

гается, что человек принимает решение, только исходя из «индивидуальных предпочтений, их происхождение не подлежит исследованию, а нормы выполняются постольку, поскольку их выполнение дает результаты, совместимые с системой предпочтений» [Автономов 1998, 51].

С одной стороны, этот метод обладает удивительной объяснительной силой, т.к. всякая деятельность, по определению, имеет цель, соответственно, действующий стремится к оптимальному результату, т.е. к его максимизации. Это является ключом к переводу любой деятельности на язык неоклассической экономической теории, т.е. исчислению издержек и полезности [Беккер 2003, 38]. В результате с середины XX в. начнется методологическая экспансия экономики в предметные области других гуманитарных дисциплин (социологии и психологии). Например, в социологии «успехи» этого метода демонстрируются даже в анализе снижения и нарастания религиозности, осуществлении религиозных практик (см.: [Iannaccone 1998]). Противники же будут шутливо называть это «экономическим империализмом» в методологии [Радаев 2008, 117].

С другой стороны, этот метод приведет к усилению спецификации в понимании как человека, так и рациональности. Неоклассический экономический человек – это абсолютно атомарный и статичный субъект, его деятельность рассматривается вне какого-либо культурного контекста и оценок со стороны других людей, его желания – вне каких-либо изменений внутреннего опыта, все его существо определено одной гиперцелью – максимизацией полезности [Беккер 2003, 27]. Вследствие чего и рациональность низводится до выбора оптимального результата, лишаясь прочих характеристик. Именно это дает возможность максимальной математизации метода, понимаемого как сложение полезности и вычитание издержек, а экономические отношения представляются в виде общей формы объяснения любого вида деятельности⁴ [Автономов 1998, 30–34; Беккер 2003, 28–31; Радаев 2008, 118]. Однако успехи в математизации, т.е. научности в строгом смысле, создадут обратный эффект – не более точное знание о деятельности человека, а упрощение ее структуры, неспособность видеть и учитывать все ее аспекты. В результате уже через пару десятилетий после экспансионистского манифеста Беккера внутри самой экономической науки появятся исследователи, указывающие на неполноту неоклассического метода в определении того, как человек и общество в целом достигают максимизации полезности [Автономов 1998, 55–56]. Также появятся междисциплинарные направления – социэкономика, психоэкономика.

⁴Примечательно, что Г. Беккер иногда даже рассуждает почти так же, как Бентам: неудачи экономического метода «свидетельствуют не о неправомерности экономического подхода в данном случае, а главным образом о недостаточности предпринимавшихся до сих пор усилий» [Беккер 2003, 31].

Именно нечувствительность неоклассического экономического метода к культурным факторам оказывается его главным недостатком.

Таким образом, история экономики в XX в. оказывается практической иллюстрацией применения теоретических установок обоих типов утилитаризма, показывая правоту Милля: исчисления всеобщего и даже личного блага столь сложны, что не могут эксплицироваться исключительно в опыте индивида, сколько бы «расчетливым» этот индивид ни был. Дополнительно отметим, что данная иллюстрация показывает еще, с одной стороны, невозможность экспансии экономического метода неоклассики в этику (в первую очередь практическую этику), а с другой – наоборот, возможность разработки на его основе общей, междисциплинарной – гуманитарной – методологии исследования и формирования деятельности человека, которая могла бы стать в подлинном смысле этической методологией. Хотя на данный момент это не более чем смелое предположение.

Похожие проблемы – сужение предметной области и неадекватное отражение реальных процессов – проявляются и в коммуникативной этике, которая в своем ориентировании на рациональность в принятии решений и согласовании интересов ближе всего утилитаристской «моральной арифметике». Как отмечает Р.Г. Апресян, «дискурсивно-нормативная коммуникация может быть неисполнимой в отношениях с “пришельцами”, “чужаками”, а также с “бунтарями” и “разбойниками”» [Апресян 2016]. Таким образом, остается неучтенным тот факт, что «люди, выдвигая ожидания и требования, высказывая рекомендации и оценки, апеллируют отнюдь не только к наличным, ситуативно определенным интересам (своим, других, окружения, сообщества), как это предполагается в этике дискурса, но и к некоторым общим по содержанию, отвлеченным от ситуации, вневременным и надлокальным представлениям, которые оказываются действенными как таковые» [Апресян 2016]. Следовательно, преодолевая ограниченность метода Бентама, Милль преодолевает уже заранее и ограниченность коммуникативной этики Хабермаса, находя решение как раз в принятии «вневременных и надлокальных представлений». И замечание Р.Г. Апресяна о том, что необходимы «специальные усилия для создания социальных предпосылок коммуникативного взаимодействия, его политического и организационного обеспечения» [Апресян 2016], уже учтено Миллем в рассмотрении формирования поступка в двух аспектах: 1) внутреннем – рациональная процедура принятия решения и определения полезности; 2) внешнем – обучение, воспитание, наличие системы права, когда внешнее направляет и при случае компенсирует работу внутреннего [Милль 2013, 77–79]. К внешнему относится и деятельность экспертов, которую Милль не исключает при решении вопросов определения полезности. Можно сказать, что в воспитании и экспертизе универсальность проявляется по отношению к индиви-

ду в активной форме, а при рациональном поиске – в пассивной, т.к. индивид должен сам обратиться к моральным нормам, традициям и прочему, чтобы учесть их.

Природа моральной универсальности

Так что же представляет собой универсальность в этике Милля? Подсказку мы обнаруживаем также у Р.Г. Апресяна в анализе этики дискурса⁵, когда он обращает внимание на то, что проблема функции надлокальных представлений в ней остается не раскрытой. Однако эти представления, по сути, являются «общими ценностями» и образуют культуру как «сферу разного рода смыслов, образцов, текстов, традиций» [Апресян 2016]. Такой ответ вполне соответствует идее Милля о том, что практики, исторически зарекомендовавшие себя в достижении полезности, оформляются как традиции и выражаются в виде общих правил.

По сути, моральная универсальность как феномен – это результат развития видового, а значит, всеобщего опыта, в котором всегда и заранее для всякого индивидуального опыта признан другой, а практика реализации интересов дана в первую очередь во взаимодействии с другим. Она есть и форма репрезентации видового опыта. Все это в целом раскрывает ее как всеобщность/общадресованность, где опыт вида обращен к индивиду. Всеобщность в данном случае не является аналогом общераспространенности тех или иных норм вне зависимости от культурных различий. Вопрос о том, на каком уровне общности нужно рассматривать опыт (отдельной культуры или всего человечества), чтобы получить максимально точный результат, вторичен по отношению к самому факту порождения общадресованности формированием опыта как общего и предшествующего индивидуальной деятельности.

Вершиной, квинтэссенцией такого опыта, согласно Миллю, является Золотое правило нравственности. Именно его он указывает, говоря о сути программы утилитаризма, в качестве «подлинного идеала утилитаристской морали» [Милль 2013, 77]. Особенность этого правила в том, как пишет Р.Г. Апресян, что «суждения и действия, выстраиваемые по его лекалу, принципиально обращаемы, универсализуемы и беспристрастны, но реально и обращаемость, и универсализуемость, и беспристрастность предположительны, воображаемы и лишь постулируются одной стороной» [Апресян 2016]. Это в свою очередь требует от человека определенной рациональной компетенции, состоящей в способности «идентифицировать себя с другим и сообразовывать с другим свои действия» [Апресян 2016]. Если установка на преодоление обособленности морального агента в утилитаризме Милля очевидна и обозначена в самом общем смысле Золотым правилом, то «воображае-

⁵ А также этического историзма О.Г. Дробницкого.

мость» такого преодоления как раз и устраняется посредством ориентирования индивида «вневременными надлокальными представлениями», создающими тот культурный контекст отношения между людьми, благодаря которому воображаемость обращаемости, универсализуемости и беспристрастности становится реальностью. Другими словами, индивидуальный опыт развивается в русле видового опыта⁶, что компенсирует ограниченность первого, несколько его расширяя (плохо считающий индивид и получает подсказку в принятии решений). При этом принцип анализа видового опыта тот же, что и опыта индивидуального, – достижение максимальной полезности. Результаты его, соответственно, всегда конкретно-исторические, т.к. максимум может быть достигнут только в совершенном обществе, достигшем полноты, истинности знания о деятельности человека, его природе. В этой ситуации не только нормы и традиции зависят от опыта, но и усмотрение первопринципов.

В том числе и поэтому попытка критики такого опыта посредством «гильотины Юма», которую предпринимает, например, Б. Рассел [Рассел 1993, 293], промахивается мимо цели. Слова Милля о том, что «единственное доказательство того, что объект является видимым – это то, что люди действительно его видят... единственным подтверждением желательности чего-либо является то, что люди действительно этого желают» [Милль 2013, 139], Рассел интерпретирует как необоснованное создание императива, ведь «вещь “видима”, если ее можно видеть, но “желательна”, если ее следует желать», тогда как «мы не можем вынести, что является желательным из того, чего желают». Неудивительно, что дальше Рассел, подчеркивая, что «объектом желания может быть все, что угодно», приводит в пример мазохиста с его удовольствием от боли – пример, который работает и против принятого Миллем Золотого правила (его субъективности). «Мазохист выводит удовольствие из боли, которую он желает; но это удовольствие происходит из-за желания, а не наоборот», – пишет Рассел.

Однако в чем же Рассел все-таки ошибается? Это как раз видно, если его аргумент обратить против Золотого правила. Мазохист желает не боли, а удовольствия, соответственно, по Золотому правилу, он должен способствовать удовольствию другого, которое уже не обязательно состоит в получении боли⁷. Таким образом, говоря словами Рассела, «объектом желания» может быть только само удовольствие, а не все что угодно. Удовольствие – это уникальный и исключительный объект желания, в этой исключительности оно есть и сущность желания. Здесь работает именно логика возможности, а не императива, поскольку вещь желательна, если ее возможно желать. Ведь речь идет не о конкретном интересе

⁶ В данном случае Милль повторяет Аристотеля, говоря, что человек – существо социальное по природе [Милль 2013, 131–133].

⁷ Например, удовольствие может быть и в прямо противоположном – в причинении боли (таким образом, мазохист и садист взаимодействуют вполне в рамках Золотого правила).

(способе получения удовольствия), а «о предельной или высшей цели», которая «не может быть доказана в общепринятом понимании этого термина». Это вообще, согласно Миллю, «характерно для первичных принципов любой области знаний, в том числе связанной с проблемами человеческого поведения» [Милль 2013, 137]. Рассел же пытается усмотрение первичного принципа разобрать как доказательство, тогда как для Милля это главный результат обобщения видового опыта. Прочие результаты предстают уже как конкретные нормы, а также цели, как их называет П.А. Гаджикурбанова, «негедонистического характера» – самоуважение, красота, истина. Она также обращает внимание на то, что особенностью философии Милля является как раз синтез удовольствия как суперцели с теми целями, «к которым мы стремимся еще до того, как получаем от них удовольствие» [Гаджикурбанова 2010, 130].

В контексте проблемы моральной универсальности проблема самого механизма обобщения как видового, так и личного опыта отходит на второй план, представляя специальный гносеологический интерес (например, может быть рассмотрен вопрос о релевантности индуктивного метода Милля для исследования моральной проблематики). Ведь согласно установке наблюдаемости опыта, мы просто констатируем такое обобщение как факт, а результат обобщения не рассматривается в качестве логически выведенной истины, не исчерпывает всего возможного набора данных, а только расширяет его до максимально доступного на данный момент для человека. В этом отличие метода этики от строго научного метода, а также дополнительное указание (наряду с историчностью) на невозможность абсолютности моральных норм. Моральный императив в этом случае не абсолютное требование, а моральная эвристика. Иначе Милль не рассматривал бы поведение современного ему человека в свете идеала самопожертвования ради блага будущих поколений [Милль 2013, 75–77], поскольку наличный видовой опыт не позволяет создать идеальное общество (было бы иначе, если бы он уже транслировал истину) и требует совершенствования⁸. Но точно так же, как обнаружение удовольствия в качестве конституирующего элемента деятельности дает в утилитаризме «первичный принцип», обнаружение универсальности дает принцип конституирования опыта: опыт имеет силу только как общий, создающий общее пространство поступка, включающее в себя поступок всякого другого человека. Без этого и личный опыт – только набор случайностей. Именно в обобщении поступка происходит признание человеком другого человека.

Заключение

Особенностью утилитаризма Милля является не столько провозглашение видового опыта одной из основ морали, сколько предложение

⁸ Здесь достаточно вспомнить и активность самого Милля в борьбе за права женщин, т.е. в попытке изменить существующие нормы.

анализа такого опыта, его рациональной экспликации, рефлексивной оценки его историчности посредством принципа полезности (исследование применимости этого принципа также относится к проблеме определения механизма обобщения опыта). От эффективности такой экспликации зависит эффективность утилитаристского подхода в целом, если не рассматривать его как артефакт истории философии. Становится очевидным, что моральная арифметика не полна без учета существующих норм и ценностей. Проблема моральной универсальности как общеадресованности, порожденной общностью опыта, оказывается ключевой для понимания метода Милля и его отличия от метода Бентама. Но особенно важно, что она обнаруживает коммуникацию в качестве фундаментальной составляющей этики утилитаризма, методологически сближая ее с коммуникативной этикой. Тем самым целевая задача утилитаризма – максимизация полезности – технологически, т.е. на уровне формирования деятельности и принятия решений, может рассматриваться как задача максимизации коммуникации. Именно повышение эффективности коммуникации на разных уровнях (вид-индивид, индивид-индивид) ведет человечество ко всеобщему счастью, а вовсе не превращение индивида в высокоточный моральный арифмометр.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Автономов 1998 – *Автономов В.С.* Модель человека в экономической теории и других социальных науках // Истоки. № 3. 1998. С. 24–71.
- Апресян 2016 – *Апресян Р.Г.* Феномен универсальности в этике: формы концептуализации // Вопросы философии. 2016. № 8. С. 79–88.
- Беккер 2003 – *Беккер Г.* Экономический анализ и человеческое поведение // Беккер Г. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. С. 28–48.
- Бентам 1998 – *Бентам И.* Введение в основания нравственности и законодательства. – М.: РОССПЭН, 1998.
- Гаджикурбанова 2010 – *Гаджикурбанова П.А.* Summum bonum в классическом утилитаризме. Основные понятия утилитаристской моральной доктрины // Этическая мысль. Вып. 10. – М.: ИФ РАН, 2010. С. 114–131.
- Милль 2013 – *Милль Дж.С.* Утилитаризм. – Ростов-на-Дону: Донской издательский дом, 2013.
- Радаев 2008 – *Радаев В.В.* Экономические империалисты наступают! Что делать социологам? // Общественные науки и современность. 2008. № 6. С. 116–123.
- Рассел 1993 – *Рассел Б.* История западной философии: в 2 т. Т. 2. – М.: МИФ, 1993.
- Серебрянский 2011 – *Серебрянский Д.С.* Классический утилитаризм: основные теоретические проблемы // Этическая мысль. Вып. 11. – М.: ИФ РАН, 2011. С. 90–104.
- Brandt 1967 – *Brandt R.* Some Merits of One Form of Rule Utilitarianism // University of Colorado Studies. Series in Philosophy. 1967. Vol. 3. P. 39–65.
- Brink 2013 – *Brink D.O.* Mill's Progressive Principles. – Oxford: Clarendon Press. 2013.
- Crisp 1997 – *Crisp R.* Routledge Philosophy Guidebook to Mill on Utilitarianism. – London: Routledge, 1997.
- Fuchs 2006 – *Fuchs A.* Mill's Theory of Morally Correct Action // The Blackwell Guide to Mill's Utilitarianism. – Oxford: Blackwell Publishing, 2006. P. 139–158.
- Gillig 2017 – *Gillig P. J.S.* Mill and The Universality Of The "Desire Of Wealth" // Working Papers of BETA 2017. – Strasbourg: UDS, 2017. P. 1–27.
- Iannaccone 1998 – *Iannaccone L.R.* Introduction to the Economics of Religion // Journal of Economic Literature. 1998. Vol. 36. No. 3. P. 1465–1496.

Irwin 2009 – *Irwin T.* The Development of Ethics. A Historical and Critical Study. Volume III: From Kant to Rawls. – Oxford: Oxford University Press, 2009.

Martin 2011 – *Martin R.* Mill's Rule Utilitarianism in Context // John Stuart Mill and the Art of Life. – Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 21–43.

Mondal 2016 – *Mondal A.L.* Mill's Critique of Bentham's Utilitarianism // International Journal of Philosophy Study (IJPS). Vol. 4. 2016. P. 13–21.

Turner 2015 – *Turner P.N.* Punishment and Discretion in Mill's Utilitarianism // *Utilitas*. 2015. Vol. 27. No. 2. P. 165–178.

Urmson 1953 – *Urmson J.O.* The Interpretation of the Moral Philosophy of J.S. Mill // *The Philosophical Quarterly*. 1953. Vol. 3. No. 10. P. 33–39.

REFERENCES

Avtonomov V.S. (1998) Human Model in Economic Theory and Other Social Sciences. *Istoki*. 1998. No 3, pp. 24–71 (in Russian).

Apressyan R.G. (2016) The Phenomenon of Universality in Ethics: Forms of Conceptualization. *Voprosy Filosofii*. 2016. No. 8, pp. 79–88 (in Russian).

Becker G. (1976) The Economic Approach to Human Behavior. In: Becker G. Human behavior: an economic approach. Selected works on economic theory (pp. 3–14). Chicago: University of Chicago Press (Russian translation in: *Human Behavior: Economic Approach. Selected Works on Economic Theory* (pp. 28–48). Moscow: HSE University Press, 2003).

Bentham J. (1843) An Introduction to the Principles of Morals and Legislation. In: Bentham J. *The Works of Jeremy Bentham* (Vol. 1). Edinburgh: William Tait (Russian translation in: Moscow: ROSSPEN, 1998).

Brandt R. (1967) Some Merits of One Form of Rule Utilitarianism. *University of Colorado Studies. Series in Philosophy*. Vol. 3, pp. 39–65.

Brink D.O. (2013) *Mill's Progressive Principles*. Oxford: Clarendon Press.

Crisp R. (1997) *Routledge Philosophy Guidebook to Mill on Utilitarianism*. London: Routledge.

Fuchs A. (2006) *Mill's Theory of Morally Correct Action*. In: *The Blackwell Guide to Mill's Utilitarianism* (pp. 139–158). Oxford: Blackwell Publishing.

Gadzhikurbanova P.A. (2010) Summum bonum in classical utilitarianism. Basic concepts of utilitarian moral doctrine. *Eticheskaya mysl' = Ethical thought*. Vol. 10, pp. 114–131 (in Russian).

Gillig P. (2017) J.S. Mill And The Universality Of The “Desire Of Wealth.” *Working Papers of BETA*. Vol. 28, pp. 1–27.

Iannaccone L.R. (1998) Introduction to the Economics of Religion. *Journal of Economic Literature*. Vol. 36, no. 3, pp. 1465–1496.

Irwin T. (2009) *The Development of Ethics. A Historical and Critical Study. Volume III: From Kant to Rawls*. Oxford: Oxford University Press.

Martin R. (2011) Mill's Rule Utilitarianism in Context. In: Eggleston B., Miller D.E., & Weinstein D. *John Stuart Mill and the Art of Life* (pp. 21–43). Oxford: Oxford University Press.

Mill J.S. (1864) *Utilitarianism* (2nd ed.). London: Longman, Green, Longman, Roberts, and Green (Russian translation; Rostov-on-Don: Donskoy Publishing House, 2013).

Mondal A.L. (2016) Mill's Critique of Bentham's Utilitarianism. *International Journal of Philosophy Study (IJPS)*. Vol. 4, pp. 13–21.

Radaev V.V. (2008) Economic Imperialists Are Coming! What Should Sociologists Do? *Sotsialnye nauki i sovremennost'*. 2008. No. 6, pp. 116–123 (in Russian).

Russel B. (1967) *A History of Western Philosophy and Its Connection with Political and Social Circumstances from the Earliest Times to the Present Day*. New York: Simon & Schuster.

Serebryansky D.S. (2011) Classical Utilitarianism: Basic Theoretical Problems. *Eticheskaya mysl' = Ethical Thought*. Vol. 11, pp. 90–104 (in Russian).

Turner P. N. (2015) Punishment and Discretion in Mill's Utilitarianism. *Utilitas*. Vol. 27, no. 2, pp. 165–178.

Urmson J.O. (1953) The Interpretation of the Moral Philosophy of J.S. Mill. *The Philosophical Quarterly*. Vol. 3, no. 10, pp. 33–39.